

ФОБИЯ

Благостное повествование
в трех частях

Неужто вам доселе неизвестно, что Аллах всеведущ и знает все, что вы пытаетесь тщетно скрыть, и о том, что тайно носите в себе самом?

Коран

Часть 1. Ощущение

Шурка — типичный представитель военной династии. Родился и вырос в семье военнослужащего, и самый яркий период его детства пришелся на Сирию. В Сирии его семья жила в отдельном особняке. У них была домашняя прислуга, и возил Шуркиного отца персональный водитель окрашенного в камуфлирующие цвета джипа. И прислуга, и водитель были сирийцами. Отец у Шурки был санитарным военврачом и уже второй год служил в Дамаске, в аппарате советских военных советников.

Родилась Шуркина фобия именно там, в Сирии. И родилась довольно обыденно.

Перед очередным 23-м февраля его отец получил очередное воинское звание. И, готовясь к положенному в таких случаях «сабантую», отправил водителя с серьезной суммой сури¹ на местный рынок, по-арабски — «сук». Звали водителя Фарухом.

Рынков в Дамаске множество, и у каждого своя специализация. Так уж сложилось, что у арабов торговля среди всех других занятий — на первом месте. Восток — дело не столько тонкое, сколько торговое. Наверное, именно поэтому на многих местных рынках бойкая торговля продолжается без каких-либо перерывов. Даже по ночам.

Русскому человеку, с его патриархальным менталитетом, на таком рынке делать нечего. Другое дело — водитель. Как-никак, он был местным и умел, как это и положено, торговаться. Ему на «суке» и карты в руки. Закупать надо было многое, более чем обширный список продуктов внушал невольное уважение.

Воровства в Сирии особого нет. Не принято. Но мало ли?.. Поэтому — больше для порядка, чем для присмотра закупаемыми продуктами — в помощь водителю был отряжен маявшийся от скуки четырнадцатилетний Шурка...

Рынок встретил их разноголосыми криками зазывал, перестуком молоточков местных ювелиров и чеканщиков и размеренными хлесткими ударами рубщиков мяса. Морящий послеполуденным зноем воздух нес одуряюще сладкие ароматы фруктов и восточных пряностей.

Машины водитель оставил вблизи центральной рыночной площади.

Он похлопал себя по форменной рубашке, в том месте, где в нагрудном кармане обреталась пачка сури и список покупок, и белозубо улыбнулся Шурке. Затем вытащил из багажника вместительную военную сумку и растворился в окружающей толчее.

На местную диковинную пестроту Шурка глядел во все глаза. Казалось, что не только рынок, но и весь город состоит из бесконечных рядов нарядных, ярко оформленных магазинчиков и лавочек. Поначалу именно они, лавочки, и мельтешащие покупатели, привлекли Шуркино внимание. Восток, пока ты к нему еще не привык, зрелище завораживающее. Местные и одеты были не так, как у нас, и вели себя по-другому. Тысячи людей хаотически перемещались, спорили, торговались, целеустремленно везли на тачках свой товар. Изредка через толпу пробивались машины.

Шурке особенно понравились магазинчики с пряностями и восточными сладостями. Товар на их витринах выглядел так красиво и аппетитно, что хотелось купить его весь и сразу.

Спустя какое-то время Шуркино внимание привлекли гроздь странных амулетов, подвешенных к огромному колесу от местной одноосной арбы. Колесо было закреплено на вершине деревянного столба, а столб стоял прямо посередине площади, но местные совершенно не обращали на него внимания.

---

¹ Местное название сирийских фунтов.

Когда водитель вернулся с переполненной сумкой, открыл багажник и стал переключать в него закупленные продукты, Шурка поинтересовался:

— Фарух, а что там за амулеты на том колесе, на столбе? Их продают, или они для каких-то других целей?

Бегло говорящий на русском Фарух с ответом сразу не нашелся. А найдясь, был чрезмерно подробен:

— Это, Саша, колесо шариатского суда. Любого, кто попадает на карапчук², бьют плеткой и камнями³. Во второй раз вору рубят правую руку и вешают туда, на колесо. Там для этого специальные крючки есть. Сходи, посмотри. Интересно! У вас такого нет.

Действительно, в СССР ворах руки не рубили. В Сирии же воровство или убийство — дикость. За крупное воровство или изнасилование общинные суды приговаривают совершившего такое преступление только к высшей мере. По традиции, заведенной еще турками во времена Османской империи, приговоренных к смерти преступников казнят публично на рассвете на площади Марджа, название которой означает «луг».

Когда Фарух ушел за очередной партией продуктов, Шурка последовал его совету. Он вышел из джипа и направился к колесу, посмотреть на отрубленные руки поближе.

Зрелище было еще то.

Мумифицировавшиеся на жарком сирийском солнце отрубленные руки не вызвали ни омерзения, ни страха. Больше всего они напоминали потерявшие товарную форму старые коричневые перчатки. Взяв немного правее, Шурка обнаружил и совсем свежие экземпляры. Над ними, несмотря на полуденный зной, висел внушительный рой впавших в ажитацию зеленых мух. В редких порывах обжигающе-горячего ветра сверху, прямо на чисто выметенную, мощенную светлым камнем мостовую, падали жирные опарыши...

Когда водитель вернулся, Шурка уже успел проблеваться. Трижды. Он стоял возле колеса, не в силах отвести от него взгляд, и блевал желчью. В четвертый раз.

— Совсем плохо? — спросил его Фарух.

— Плевать! — ответил бодрящийся Шурка. — Отец и не такое рассказывал. Чума, проказа или холера — куда страшнее!

— Чума — страшнее, — согласился водитель и, проводив Шурку до джипа, отправился за следующей партией съестного.

Вернулся он неожиданно быстро.

— Пошли, бача⁴! — он схватил Шурку за руку и потянул его за собой. — Кади⁵ приехал! Суд смотреть будем!

Пока Шурка и Фарух шли к колесу, к месту будущей экзекуции подъехал почти такой же, как и у них, джип, а за ним — оборудованный под четырехколесную тюрьму автобус с решетками на окнах.

Из автобуса вывели худого изможденного мужчину. Поддерживаемый под руки двумя одетыми во все черное полицейскими, тот шел к столбу совершенно безучастно. С таким же бесстрастным выражением лица за ними проследовал приехавший на джипе дородный кади. Закрепленную на массивной подставке гильотину к месту суда принесли двое водителей.

К тому времени, когда на площади появился автомобиль с красными полумесяцами на бортах, собравшаяся публика уже начала скучать. Санитарная машина еще не успела остановиться, а кади уже раскрыл темно-зеленую папку с листочком приговора.

— Сейчас фирман⁶ будет читать, — пояснил происходящее водитель, провожая опоздавшего врача взглядом.

Кади кивком поздоровался с медиком и, уткнувшись носом в папку, зачастил громкой гнусавой скороговоркой. У него, совершенно неожиданно, оказался очень высокий голос. Почти фальцет.

Переводить синхронно за разогнавшимся судьей Фарух не успевал. Но и без его перевода происходящее действо было достаточно внятным и недвусмысленным.

— Того человека второй раз поймали, — объяснил по ходу дела водитель. — Теперь кади решил руку рубить.

Едва судья захлопнул свою папку, как совершенно не сопротивлявшегося воришку поставили на колени и пристегнули предплечье его правой руки к гильотине. Эскулап, не торопясь, расстегнул саквояж, извлек из него резиновый жгут и перетянул руку осужденного чуть выше локтевого сгиба. Один из экзекуторов подставил стоявшее до того у столба темно-синее пластиковое ведро под судорожно сжатый кулак воришки. Толпа

² Кража, хищение (*перс.*).

³ Обычай побития камнями и плеткой воров и прелюбодеев проистекает из безразличия верующих к нарушителям установлений Шариата, истинно верующий руками к осквернившему себя вору или прелюбодее не прикасается.

⁴ Мальчик, пацан (*перс.*).

⁵ Судья (*арабск.*).

⁶ Указ, приговор (*перс.*).

одобрительно загудела, раздались отдельные нетерпеливые выкрики... Кто именно нажал на спусковую педаль — из-за спин любопытствующих видно не было. Массивная планка с бритвенно-острым лезвием молнией скользнула по хорошо смазанным направляющим. На излете ее полета что-то глухо стукнуло, осужденный задержался, а двое стоявших рядом с ним полицейских разом на него навалились.

К несчастному тут же кинулся врач, обильно побрызгал его культю дезинфицирующим раствором, затем натянул и прихватил зажимом кожу по ее краям. Через пару минут рана была зашита и перебинтована. Полицейские отвели ослабевшего воришку в автобус и любопытствующие стали расходиться.

— Куда его теперь? — спросил пришедший в себя Шурка. — В тюрьму?

— Зачем в тюрьму? — удивился водитель. — В больницу. Через неделю снимут швы и отпустят.

— А потом?

— Потом? — задумался Фарух. — Потом, если его родственники станут терпеть такой позор, будет жить у родственников. А не станут — побираться будет. С одной рукой много не украдет. А попадется еще раз — отвезут на Мардже и повесят.

Фарух машинально осмотрел свою вполне дееспособную правую пятерню, спрятал ее за спину и покачал головой:

— Мардже — это там. Недалеко, — мотнул он подбородком в северо-восточном направлении вдоль улицы Фейсала.

Все еще бледный Шурка и погрузившийся в невеселые раздумья водитель некоторое время молчали, то ли сочувствуя судьбе наказанного воришки, то ли представляя себя на его месте...

Спустя какое-то время Фарух взглянул на часы и забеспокоился: подходило время намаза.

Намаз — это таинство. Но таинство особого рода. Во время совершения намаза, даже в людном месте, мусульманин остается наедине с Аллахом, настолько велика его сосредоточенность и искренняя вера в то, что даже обрушение Небес не в состоянии помешать его общению с Всевышним.

Вместе с тем, оставить непоседливого Шурку вблизи места, где тот, по незнанию, мог задеть чьи-то чувства, Фарух не мог. После недолгих колебаний он решил взять его с собой. В близлежащей мечети, прямо у открывающихся в ее стенах окошек, торопящийся по неотложным делам мусульманин, вместо совершения полноценного намаза, мог ограничиться чтением «фатихи»⁷.

Приняв решение, Фарух повеселел. Он приглашающе открыл дверцу джипа со стороны пассажира и в ответ на вопрошающий взгляд Шурки пояснил:

— Немного проедем, Шура. Мне надо помолиться. Время выходит.

Шурка понимающе кивнул и полез на свое место. После всего увиденного он чувствовал себя совершенно опустошенно и был готов ехать куда угодно, лишь бы побыстрее и подальше от этого страшного места.

Когда джип с водителем и мальчиком выезжал с рынка, его провожал внимательный взгляд изображенного на огромном плакате сутулого человека средних лет — президента Хафеза Асада⁸. В глазах президента явственно читалось выражение усталости и отцовской любви...

Через несколько минут джип остановился на улице Нофара. До западных ворот мечети Омейядов⁹ было рукой подать. Фарух оставил Шурку в джипе, а сам направился к ближайшему свободному окошку в стене мечети.

— Фарух, а что там, в мечети?

— Тебе интересно?

— Да...

— Тогда пойдем, посмотришь. А я по ходу дела все же сделаю ракат¹⁰! — обрадовался Фарух.

Повеселев, он тепло улыбнулся мальчику, помог ему выбраться из джипа, и они направились в сторону правого входа в мечеть. Шурка не знал, что иноверцев в Сирии беспрепятственно допускают в любую из мечетей, поэтому был не на шутку взволнован. К святыне Шурка и водитель подошли, крепко взявшись за руки. Через судорожно сжавшуюся ладонь волнение мальчика передалось и его спутнику.

— Ничего, ничего... — подбодрил он Шурку.

Вступая под своды мечети, Фарух приложил ладонь ко лбу, губам, а затем к своей груди, в том ее месте, где тридцать два года назад Всевышний милостиво позволил биться его сердцу. Выпустив руку мальчика, он

⁷ Первая сура Корана, используется как короткая молитва на любой случай.

⁸ Хафез Асад — первый президент Сирии. Асад с арабского переводится как «лев». В самой Сирии его часто называют мини-Сталиным.

⁹ Мечеть Омейядов — третья по значимости святыня мусульманского мира (после Каабы в Мекке и Куббат ас-Сахра в Иерусалиме). Построена в 705 году, была призвана олицетворять славу и могущество арабского государства. Именно здесь находятся могилы Саладина и имама Хусейна, а также рака с головой Иоанна Крестителя.

¹⁰ Четыре ритуальных молитвенных поклона. Считается, что тот, кто совершит в одном из святых мест ракат, очищается от грехов и становится невинен, как в день появления на свет.